

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402x
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 19, Is. 3, pp. 200-217, 2016

DOI: 10.13187/rs.2016.19.200
www.ejournal15.com

UDC 94(47).084.8

Soviet and German plans and forces at the beginning of the fighting in the Kuban region in August 1942

Ilya V. Kiselev

Krasnodar Higher Military Aviation School for Pilots named after Hero of the Soviet Union
A.K. Serov, Russian Federation
Dzerzhinsky str., 135, Krasnodar, 350090
PhD (History)
E-mail: kiselev-istfak@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the fighting in the Kuban region which developed on the southern wing of the Soviet-German front in August 1942. Their beginning had a significant influence on the course of the Battle of Caucasus. During these fights the German Army Group "A" strived to defeat Soviet troops in the Kuban steppes and break through the Caucasus Mountains to the Black Sea coast. The Red Army troops retreated, trying to keep the forces and take advantageous lines for defense.

The author has analyzed the combat instruction of the opposing sides, has compared various data on the number of land, air and naval forces of the USSR and the Axis. The special attention is paid on the evaluation of their composition, combat qualities and capabilities. This made possible to take a fresh look at the Soviet-German confrontation in the Kuban.

Keywords: The Great Patriotic War, Battle of the Caucasus, Soviet forces, Kuban region, North-Caucasian Front, Black Sea Fleet, the Axis forces.

Введение

Боевым действиям на Кубани, начавшимся в последние дни июля 1942 г., суждено было продлиться почти пятнадцать месяцев. Именно первый месяц боев был наполнен тяжелыми и драматическими событиями для жителей Краснодарского края, бойцов и командиров Красной армии. Под ударами войск Германии и ее союзников армии Северо-Кавказского фронта отступили в предгорья Кавказа и оставили большую часть края.

Чтобы разобраться в причинах этих событий и предположить возможность иного сценария их развития, необходимо проанализировать планы противоборствующих сторон, сопоставить данные о количестве сухопутных, авиационных и военно-морских сил СССР и стран оси, попытаться оценить их боевые качества. Тем самым удастся получить своего рода стоп-кадр, на котором окажутся запечатлены армии по обе стороны фронта накануне сражения. Полученный результат и абстрагирование от знания об исходе сражения на Кубани позволят приблизиться к тому, как принимались решения в боевой обстановке

конца июля – начала августа 1942 г., какие факторы и в какой степени воздействовали на войска.

Материалы и методы

Основным источником являются оперативные документы, как опубликованные, так и обнаруженные автором в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). В меньшей степени потребовалось привлечение источников личного происхождения. Широко использовались статистические и справочные издания, сведения из отечественных и зарубежных научных изданий. Поставленные автором задачи потребовали применения историко-сравнительного и историко-статистического методов. Сравнение планов и сил СССР и его противников позволило оценить боевой потенциал сухопутных войск, авиации и флота сторон, мотивы принятия решений в советских и германских штабах, понять логику противостояния на Кубани в начале августа 1942 г. Необходимость объективного взгляда на эти вопросы потребовало изучения многочисленных и, подчас, противоречивых статистических данных, вычленения из их массива информации, относящейся к ходу боев на территории Краснодарского края.

Обсуждение и результаты

Летом 1942 г. развитие обстановки на советско-германском фронте можно было сравнить с движением маятника. Еще весной инерция зимнего контрнаступления толкала Красную армию на запад, но разгром 2-й ударной армии на Волховском фронте, катастрофы под Харьковом и в Крыму качнули маятник войны в обратную сторону. Овладев инициативой, войска Германии и ее союзников приступили к выполнению плана «Блау», дополненного 30 июня положениями плана «Брауншвейг». Их целью стали выход на Нижнюю Волгу, захват всего Кавказа и уничтожение советских войск в регионе. Недостаток сил вынудил противника ограничиться наступлением на одном стратегическом направлении, а решение нанести удар на юге определялся привлекательными перспективами установления контроля над местными нефтяными и продовольственными ресурсами. Только это давало Третьему рейху шанс нанести поражение Советскому Союзу и выиграть войну. И первые шаги на этом пути позволяли немцам надеяться на успех, ведь они сумели отбросить советские войска за реку Дон на всем его среднем и нижнем течении. 23 июля 1942 г., когда были в разгаре бои за «ворота на Кавказ» – Ростов-на-Дону, А. Гитлер подписал директиву № 45 о продолжении операции «Брауншвейг». В ней конкретизировались задачи, которые предстояло решить при захвате Кавказа. Противник рассчитывал уничтожить противостоявшие ему силы Красной армии южнее и юго-восточнее Ростова-на-Дону, овладеть степным Предкавказьем, а затем прорваться в Закавказье через перевалы Главного Кавказского хребта и вдоль побережья Черного и Каспийского морей. Вся эта операция получила наименование «Эдельвейс». На Кубани свое наступление немцы видели следующим образом:

«После уничтожения группировки противника южнее р. Дон важнейшей задачей группы армий “А” является овладение всем восточным побережьем Черного моря, в результате чего противник лишится черноморских портов и Черноморского флота.

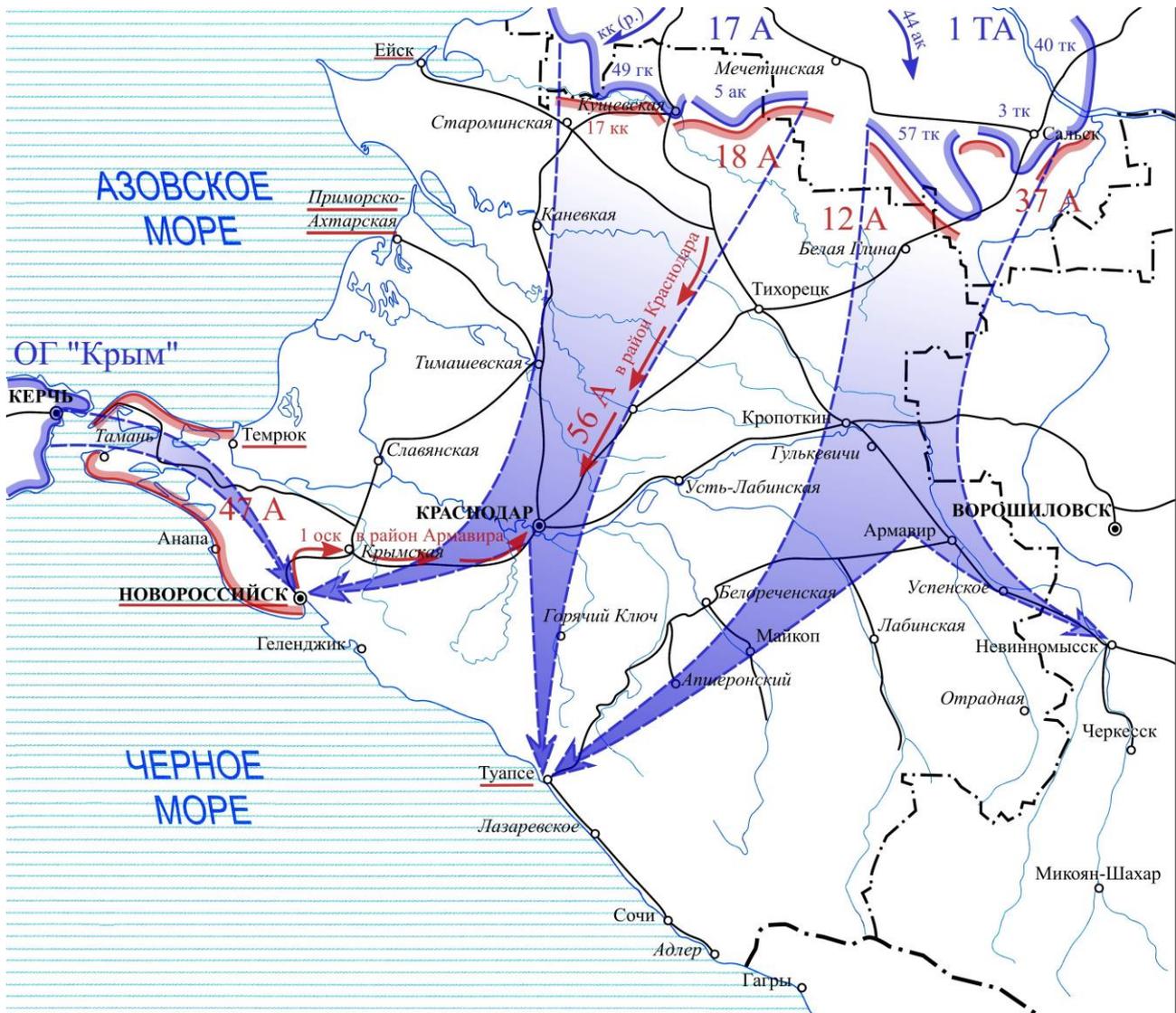
Для этого переправить предназначенные для выполнения этой задачи соединения 11-й армии (румынский горный корпус) через Керченский пролив, как только обозначится успех продвижения главных сил группы армии “А”, чтобы затем нанести удар вдоль дороги, проходящей по Черноморскому побережью на юго-восток.

Другая группировка, в состав которой войдут все остальные горные и егерские дивизии, имеет задачей форсировать р. Кубань и захватить возвышенную местность в районе Майкопа и Армавира» [1].

Выходит, что в Краснодарском крае внимание врага привлекли черноморские порты и нефтеносный район Майкопа. В остальном Кубань воспринималась им как один из путей в Закавказье. Но без ее захвата о броске через Кавказский хребет нечего было и думать.

В советской историографии при оценке плана «Эдельвейс» было принято говорить об авантюристичности замыслов германского командования и лично А. Гитлера [2]. И действительно, уже в 1951 г. в своих показаниях, данных в плену, Э. Клейст отмечал, что наступление на Кавказ «не имело оперативной цели» [3]. Захват Баку 1-й танковой армией

представлялся ее бывшему командующему невероятным. Относительно перспективным ему казалось наступление 17-й армии именно через Краснодарский край и далее вдоль черноморского побережья на Батуми (см. рис. 1).

Условные обозначения

- Положение советских и немецко-румынских войск 1 августа 1942 г.
- Движение резервов советских и немецко-румынских войск 1 августа 1942 г.
- Направления ударов, планировавшихся немецким командованием
- НОВОРОССИЙСК Пункты базирования Черноморского флота и Азовской военной флотилии

20 0 20 40 км

© Киселев И.В. 2016 г.

Рис. 1. Начало боевых действий на Кубани в августе 1942 г.

Но все это стало понятно позже, а тогда – летом 1942 г. – перспективы наступления на Кавказ виделись немецким командованием иначе. Так, 23 июля, в день подписания А. Гитлером директивы на продолжение операции «Брауншвейг», начальник Генерального штаба сухопутных войск Ф. Гальдер записал в своем дневнике: «Всегда наблюдавшаяся

недооценка возможностей противника принимает гротескные формы и становится опасной» [4]. 30 июля генерал отметил благоприятное развитие операции на кавказском направлении и в то же время высказал опасение насчет того, успеют ли немецкие войска достигнуть северных отрогов Кавказа раньше, чем там сложится организованная оборона. А уже на следующий день начальник генштаба констатировал развитие обстановки южнее р. Дон в соответствии с германскими планами и разгром советского фронта. Как мы видим, в отношении наступления на Кавказ Ф. Гальдер был настроен вполне оптимистично, хотя определенные переживания по поводу неизбежных на войне рисков были и у него.

Сухопутные войска Германии и ее союзников. Какие же силы выделялись для воплощения этих планов? Казалось бы, на этот вопрос уже давно дан ответ. В одной из первых советских работ о битве за Кавказ указывалось, что для его захвата «гитлеровское командование выделило группу армий “А”, в состав которой в начале оборонительного периода входили: 1-я и 4-я танковые, 11-я и 17-я полевые армии» в составе 26 дивизий. Их численность не озвучивалась, отмечалось лишь двукратное превосходство противника в людях и артиллерии, девятикратное – в танках [5]. Более подробно о его силах сказано И.Д. Кириным: «Восемь корпусов в первой линии и два корпуса – во второй (до 300 тысяч солдат и офицеров), которые поддерживали 1130 танков, 2840 орудий, 1700 минометов и 1000 самолетов» [6]. Но авторы шеститомника «Великая Отечественная война Советского Союза» ограничились перечислением армий: 17-й полевой, 1-й и 4-й танковых (25 дивизий) [7]. В классическом труде «Битва за Кавказ» говорится о 17-й и 1-й танковой армиях немцев, а также 3-й армии румын, включавших 40 дивизий. Из них в первом эшелоне оказались задействованы 25 дивизий численностью в 167 тысяч солдат и офицеров, 1130 танков, 4540 орудий и минометов [8]. Те же цифры указаны в фундаментальной «Истории второй мировой войны» [9]. Так образом, данные о численности личного состава в войсках противника оказались занижены.

Представления о численности и составе группы армий «А» устоялись в отечественной историографии настолько, что практически без изменений оказались озвучены и в современных фундаментальных трудах [10–11]. Между тем, очевидное несоответствие между численностью личного состава и количеством дивизий заставляет задуматься. Даже если не брать в расчет части усиления и управления, а разделить 167 тысяч человек на 25 дивизий, то выйдет 6680 человек на дивизию. А ведь штатная численность пехотных и танковых дивизий составляла около 16 тысяч человек, горных и моторизованных – 14 тысяч, егерских – 11 тысяч. И укомплектованы они были на 90–100 %. Видимо, поэтому в своих работах А.В. Исаев ограничился перечислением частей и соединений группировки противника на кавказском направлении, не приводя данных о количестве солдат и офицеров в них [12]. А вот известные своим критическим подходом к изложению истории войны А.Б. Широкоград и В.В. Бешанов повторили уже озвученные цифры. Последний, впрочем, отметил, что они «довольно спорны» [13–14].

Пожалуй, объяснением тем самым 167 тысячам человек при более чем тысяче танков может послужить то, что это относится к соединениям группы армий «А», находившимся в соприкосновении с советскими войсками южнее р. Дон в самом начале битвы за Кавказ. Но ведь ими группировка войск оси на кавказском направлении вовсе не ограничивалась. Изучая проблему состава и численности войск противника на кавказском направлении, В.И. Афанасенко пришел к выводу о том, что в июле 1942 г. в группе армий «А» имелась 21 дивизия. Ссылаясь на приведенные в сети Интернет данные из фондов Бундесархива, он сообщает о наличии 226 688 человек в 1-й танковой армии и 135 504 человек в 17-й полевой армии. Принципиальным здесь является то, что «не учтены части РГК¹ в подчинении групп армий, резервы ОКХ², войска союзников и инациональные соединения» [15]. Эти цифры существенно отличаются от советских оценок сил противника, но гораздо больше соответствуют числу дивизий и представляются наиболее достоверными. Точно так же приведенные И.Б. Моцанским данные о шести сотнях танках и штурмовых орудиях в подвижных соединениях 1-й танковой армии гораздо больше соответствуют

¹ РГК – Резерв Главного командования.

² ОКХ (нем. Oberkommando des Heeres) – верховное командование сухопутных войск вермахта с 1936 по 1945 гг.

действительности, чем распространенные в советской историографии сведения о 1130 танках [16].

Согласно трофейным немецким документам, общая численность группы армий «А» к началу битвы за Кавказ превышала полмиллиона человек [17]. Но из них необходимо исключить основную часть личного состава 11-й полевой армии генерал-фельдмаршала Э. Манштейна, так и не принявшей участие в десанте на Таманском полуострове [18]. Ее управление и пять дивизий по решению А. Гитлера отправились под Ленинград в середине августа 1942 г. Сама десантная операция «Блюхер» неоднократно откладывалась и состоялась в усеченном виде, хотя ее своевременное проведение в запланированных масштабах могло обеспечить немцам прорыв в Закавказье вдоль черноморского побережья.

Состав двух других армий в течение первых недель битвы за Кавказ подвергался перетасовке. Да и бросить в наступление на Кубань все свои силы сразу противнику было непросто – мешала ограниченная пропускная способность переправ на Нижнем Дону. Поэтому лишь анализ ситуации в конце августа – начале сентября 1942 г. позволяет понять, какие войска действительно оказались втянуты в бои на Кубани. Чтобы оценить эту динамику нам потребуется сравнить ситуацию на 5 августа и 2 сентября [19–20].

Таблица 1. Боевой состав войск Германии и ее союзников на Кубани 5 августа 1942 г.

17-я полевая армия	5-й армейский корпус	125-я и 198-я пехотные дивизии
	49-й горный корпус	9-я и 73-я пехотные дивизии 1-я и 4-я горные дивизии
3-я армия (румынская)	кавалерийский корпус (румынский)	5-я и 6-я кавалерийские дивизии (румынские)
	1-й армейский корпус	298-я пехотная дивизия 2-я горная дивизия (румынская)
1-я танковая армия	3-й танковый корпус	13-я танковая дивизия 16-я моторизованная дивизия
	57-й танковый корпус	моторизованная дивизия СС «Викинг» 1-я моторизованная дивизия (словацкая)

Таблица 2. Боевой состав войск Германии и ее союзников на Кубани 2 сентября 1942 г.

17-я полевая армия	5-й армейский корпус	9-я, 73-я и 125-я пехотные дивизии
	44-й армейский корпус	97-я и 101-я егерские дивизии
	49-й горный корпус	46-я пехотная дивизия 1-я и 4-я горные дивизии
	57-й танковый корпус	198-я пехотная дивизия моторизованная дивизия СС «Викинг» 1-я моторизованная дивизия (словацкая)
3-я армия (румынская)	кавалерийский корпус (румынский)	5-я, 6-я и 9-я кавалерийские дивизии (румынские)
Из состава оперативной группы «Крым»		10-я и 19-я пехотные дивизии (румынские) 3-я горная дивизия (румынская)

Итого 14 дивизий в начале августа и 17 дивизий в начале сентября 1942 г. (с учетом переправлявшихся из Крыма), из них немецких – 10. Соответственно, численность 17-й полевой армии достигла 200 тысяч немецких солдат и офицеров. Примечательно и то, что на кубанском направлении противник создал достаточно сбалансированную группировку из танковых моторизованных, кавалерийских, пехотных и горных дивизий, каждая из которых вступала в дело в определенном месте и в нужное время. Так, подвижные соединения 1-й танковой армии двигались через степные районы северо-восточной Кубани, на основном направлении вражеского наступления на Кавказ. На второстепенных участках фронта развернулись немецкая пехота и румынская кавалерия. А по мере развертывания боевых действий в горно-лесной местности место в первой линии заняли горные и егерские

(легкопехотные) дивизии, тогда как большинство танковых и моторизованных дивизий оказались на востоке Кавказа.

Немецкие подразделения, сосредоточенные летом 1942 г. на юге, представляли грозную силу. Их оснащенность и укомплектованность была гораздо выше, чем на других участках советско-германского фронта. Танковые, моторизованные и горные дивизии полностью восполнили понесенные прежде потери, только пехотные соединения имели 30-процентный некомплект офицеров и унтер-офицеров. Танковые полки перешли на трехбатальонную организацию, моторизованные дивизии получили по батальону танков, а их противотанковые дивизионы были перевооружены самоходными артустановками. Существенно возросла мощь дивизионной и полковой зенитной артиллерии подвижных соединений [21]. Степень укомплектованности немецких сухопутных войск позволяет говорить о том, что они находились на пике своих боевых возможностей, а накопленный ими за год опыт боев на Восточном фронте, делает это утверждение еще более обоснованным.

Хорошо известно о высоком уровне подготовки и богатом боевом опыте германского генералитета. В лице генералов Э. Клейста и Р. Руоффа мы видим тому наглядный пример, ведь они последовательно прошли все ступени карьерной лестницы, принимали участие в европейских кампаниях и находились на советско-германском фронте с первого дня Великой Отечественной войны. У находившегося во главе группы армий «А» генерал-фельдмаршала В. Листа так же имелся солидный послужной список, но совершенно отсутствовал опыт борьбы против советских войск. Думается, это негативно сказалось на результате действий кавказской группировки врага. Косвенным подтверждением тому стало освобождение В. Листа от должности командующего группой армий «А» уже 10 сентября 1942 г. и его последующее пребывание в резерве вплоть до конца войны [22].

Вместе с немцами на Кубань вступили румынские войска, составлявшие от четверти до трети группировки противника. Согласно штатному расписанию, пехотная дивизия румын насчитывала 17 тысяч человек, горная – более 14 тысяч, кавалерийская – около 8 тысяч. Так как к началу битвы за Кавказ они не участвовали в боях по два месяца и более, то общая численность шести румынских дивизий могла превысить 70 тысяч человек. Их боеспособность традиционно оценивается невысоко, но стоит отметить следующее. Четыре из шести румынских дивизий представляли собой кавалерию и горных стрелков, элиту румынской королевской армии. Именно они, в отличие от обычной пехоты, прошли весной 1942 г. реорганизацию и перевооружение. В частности, была усилена их артиллерия и саперное обеспечение, а кавалерийские дивизии имели в своем составе моторизованные и танковые части [23]. Практически все румынские соединения имели опыт боев на юге Украины и в Крыму. Зная об уязвимых местах своих союзников, немцы в ходе боев в Краснодарском крае не доверили им обособленных участков фронта. Все румынские дивизии фактически подчинялись командованию 17-й полевой армии, а управление ими со стороны 3-й румынской армии оставалось номинальным.

Еще одним участником операции по захвату Кубани стала 1-я словацкая моторизованная дивизия, иначе именуемая «Быстрой дивизией». Словаки были неплохо обеспечены вооружением и транспортом, получили немалый боевой опыт в 1941–1942 гг. Численность их дивизии составляла около 9 тысяч человек, и до конца 1942 г. они оставались надежными союзниками вермахта [24].

Планы и силы Красной армии. Наступление войск оси на Кубани встретил советский Северо-Кавказский фронт. Возглавлял его маршал Советского Союза С.М. Буденный, чьи полководческие способности в условиях Великой Отечественной войны исследователями и участниками боев зачастую ставятся под сомнение. Но чего нельзя было отнять у Семена Михайловича, так это его боевого прошлого, в том числе и опыта сражений в Гражданскую войну на Кубани. Поэтому сначала стоит разобраться в том, какие меры принимались командованием Северо-Кавказского фронта, и какими силами оно располагало.

После поражения Крымского фронта в мае 1942 г., С.М. Буденный и его штаб главной угрозой для Кубани считали комбинированный морской и воздушный десант противника на Азово-Черноморском побережье, что и было изложено в плане обороны Северного Кавказа 2 июня 1942 г. [25]. Напомним, что в 1920 г. в этих же краях Красная армия отразила

высадку белогвардейских войск под командованием С.Г. Улагая, и этот опыт не мог быть забытым. К тому же советская разведка доносила о наращивании сил немецкого флота в портах Черном и Азовском морях и даже появлении не существовавшей в реальности авиадесантной дивизии, что так же наводило на мысль о подготовке десанта [26]. Согласимся, что этот вывод был недалек от истины, ведь германские войска действительно готовились к высадке на Тамани.

Своей директивой от 7 июня 1942 г. Ставка Верховного Главного командования подтвердила необходимость обороны Азовского и Черноморского побережья Кубани. Вместе с тем, на 51-ю армию Северо-Кавказского фронта была возложена подготовка рубежей на Нижнем Дону, в тылу Южного фронта. В последующие полтора месяца из Москвы С.М. Буденному еще не раз приходили указания об организации обороны на южном берегу р. Дон. Когда же во второй половине июля 1942 г. под напором противника за р. Дон стали отходить подразделения Южного фронта генерал-лейтенанта Р.Я. Малиновского, Ставка ВГК попыталась разграничить полномочия двух фронтов, а 22 июля объединила все силы на южном берегу Дона под руководством командующего Южного фронта. Основной задачей Северо-Кавказского фронта стала оборона побережья. Но уже в ночь на 28 июля в Москве было принято новое решение: передать войска Южного фронта в состав Северо-Кавказского фронта под командованием маршала С.М. Буденного [27].

По-видимому, Верховный Главнокомандующий стал сомневаться в способности Р.Я. Малиновского остановить немецкое движение на Кавказ. Ведь именно войска его фронта, оставившие Ростов-на-Дону и не сумевшие удержать оборону по берегу р. Дон, фигурировали в известном приказе № 227, подписанном И.В. Сталиным в тот же день – 28 июля 1942 г. Между тем, от Военного совета Северо-Кавказского фронта пришел обстоятельный доклад с предложениями по обороне Кавказа. В нем достаточно верно оценивались возможности противника и пути его дальнейшего наступления. Соответственно, предлагалось создать объединенное командование вооруженными силами Северного Кавказа и Закавказья, пополнить их танками и авиацией, обеспечить связь Кавказа с остальной страной через Каспийское море и т.д. При этом в штабе С.М. Буденного не питали иллюзий в отношении обороны в равнинном Предкавказье и предлагали отводить советские войска к Главному Кавказскому хребту и за реку Терек. Тем самым, почти вся территория Кубани, а так же Ставрополя, обрекались на оккупацию [28].

Вспоминая о событиях тех дней, начальник кавказского направления оперативного управления Генерального штаба Красной армии генерал С.М. Штеменко отмечал единодушие, с которым Генштаб и Военный совет Северо-Кавказского фронта решились на отвод советских войск в предгорья Кавказа сразу после падения Ростова-на-Дону [29]. И действительно, Ставкой ВГК были одобрены меры по укреплению перевалов Главного Кавказского хребта и рубежей на Тереке. Но важнейшая задача советских войск на кавказском направлении по-прежнему была иной: «Упорной обороной не только остановить на занимаемых рубежах дальнейшее продвижение противника на юг, но во что бы то ни стало активными действиями вернуть Батайск и восстановить положение по южному берегу р. Дон» [30]. Данные требования целиком соответствовали квинтэссенции приказа № 227, выраженной словами «Ни шагу назад!». В войсках приказ зачитали 30 июля 1942 г. Именно в этот день был запланирован контрудар Северо-Кавказского фронта, но состояться ему было не суждено. Непрерывающееся ни на день наступление немцев сорвало сосредоточение войск фронта и заставило их продолжить отход на юг, теперь уже по территории Краснодарского края. Только утром 5 августа штаб Северо-Кавказского фронта получил директиву об удержании рубежа по реке Кубань. По сути, это был не приказ, а констатация факта, так как большинство соединений фронта уже направлялись к переправам, а противник еще 3 августа захватил плацдарм на южном берегу в районе Армавира.

Выходит, что многочисленные указания Ставки ВГК и, основанные на них планы Северо-Кавказского фронта по организации обороны Кубани, оказались сорваны. Более того, принимавшиеся в конце июля 1942 г. Москвой решения выглядят непоследовательными, так как ответственность за оборону кавказского направления сначала разделялась между Южным и Северо-Кавказскими фронтами, потом легла на Р.Я. Малиновского, а в итоге выбор И.В. Сталина пал на С.М. Буденного. Последовавшие за этим события окончились для маршала снятием с должности командующего фронтом.

Больше он руководящих постов в действующей армии не занимал. Поэтому легко поддаться искушению и возложить на С.М. Буденного вину за стремительное отступление к предгорьям Кавказа. Однако существовало ли вообще решение задачи защиты Кубани в условиях тяжелого лета 1942 г.?

Для того чтобы разобраться с этой проблемой, необходимо проанализировать потенциал и возможности советских войск на Кубани. При всем обилии исследований о битве за Кавказ, это вовсе не так просто. А.С. Завьялов и Т.Е. Калядин о численности войск Красной армии на северокавказском направлении не сказали почти ничего, ограничившись перечислением армий и отдельных корпусов Южного и Северо-Кавказского фронтов. В шеститомной «Великой Отечественной войне Советского Союза» о советских силах говорится, что «боевой состав соединений Южного фронта насчитывал всего не более 20 тысяч человек» [31]. В монографии А.А. Гречко, наконец, появились данные о численности войск Южного фронта – 112 тысяч человек [32]. Дополняя эту цифру, авторы «Истории второй мировой войны» указали на наличие в их составе 121 танка, 2160 орудий и минометов [33]. О том, сколько личного состава и техники было в Северо-Кавказском фронте до его объединения с Южным, в советской историографии открыто не сообщалось. Только в статистическом исследовании «Россия и СССР в войнах XX века» опубликована информация о численности войск объединенного Северо-Кавказского фронта, которая составила 216 тысяч человек [34]. Наконец, в коллективном труде «Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Кампании и стратегические операции в цифрах» приводятся наиболее детальные данные о советских силах на кавказском направлении. К 25 июля 1942 г. Южный фронт насчитывал 134,5 тысячи человек, 1516 орудий и минометов, 33 танка. Северо-Кавказский фронт на 28 июля 1942 г. имел в своем составе почти 98 тысяч человек, 501 орудие и миномет, 40 танков [35]. В этой связи неприятно удивили авторы раздела «Борьба за Кавказ» новейшего двенадцатитомника «Великая Отечественная война 1941–1945 годов». В 2012 г. они не только повторили неполные и устаревшие данные, но и подчеркнули, что все это – «войска Южного и части Северо-Кавказского фронта» [36].

После слияния двух фронтов в единый Северо-Кавказский были образованы две оперативные группы войск: Донская и Приморская. Первая из них прикрывала ставропольское направление, а вторая – краснодарское. Приморской группе войск в составе 18-й, 47-й армий и 56-й, 1-го отдельного стрелкового и 17-го кавалерийского корпусов предстояло сражаться на Кубани. Но удар, нанесенный 1-й танковой армией по Донской группе в последние дни июля, привел к отступлению в направлении Армавира – Майкопа и 12-й армии. Поэтому в начале августа 1942 г. советская группировка в Краснодарском крае выглядела следующим образом [37]:

Таблица 3. Боевой состав советских войск на Кубани 1 августа 1942 г.

12-я армия	4-я, 31-я 176-я и 261-я стрелковые дивизии 81-я морская стрелковая бригада
18-я армия	216-я, 236-я, 353-я, 383-я и 395-я стрелковые дивизии 68-я морская и 16-я стрелковые бригады
56-я армия	30-я, 339-я и 349-я стрелковые дивизии 76-я морская стрелковая бригада 151-й и 158-й укрепленные районы
47-я армия	32-я гвардейская и 77-я стрелковые дивизии 83-я морская и 103-я стрелковые бригады
17-й казачий кавалерийский корпус	12-я, 13-я, 15-я, 116-я кавалерийские дивизии
1-й отдельный стрелковый корпус	113-я и 139-я стрелковые бригады
Соединения фронтового подчинения	Майкопская танковая бригада 40-я мотострелковая бригада 69-й укрепленный район

По одним данным, советские войска насчитывали более 147 тысяч человек личного состава [38]. По другим сведениям, численность войск 12-й и 18-й армий составляла на 25 июля 1942 г. не 21 и 28 тысяч человек, а 17 и 20 тысяч человек соответственно, т. е. на 12 тысяч меньше [39]. К этому необходимо добавить, что 4-я и 172-я стрелковые дивизии в первых числах августа оказались отрезаны от основных сил 12-й армии и в боях на Кубани фактически не участвовали. А 318-ю стрелковую дивизию 9-й армии военные дороги, напротив, привели на туапсинское направление, а затем под Новороссийск. Поэтому вероятность погрешности при подсчетах сохраняется, но вряд ли она превышает 15–20 тысяч человек. И, в любом случае, советских войск в Краснодарском крае оказалось меньше, чем у немцев и их союзников.

В отличие от разнородной по своему составу группы армий «А», Северо-Кавказский фронт преимущественно состоял из пехотных соединений. При столкновении с танковыми, моторизованными и кавалерийскими дивизиями противника в кубанских степях советские стрелковые части заранее оказывались в проигрышном положении. Наши немногочисленные подвижные подразделения представляли собой довольно пеструю картину. Так, Майкопская танковая бригада была создана на базе Орловского танкового училища буквально накануне битвы за Кавказ, а 40-я мотострелковая бригада возникла после реформирования 72-й кавалерийской дивизии, понесшей тяжелые потери в майских боях на Керченском полуострове. Донские и кубанские дивизии 17-го казачьего кавалерийского корпуса изначально комплектовались второочередным личным составом, имели слабую артиллерию. Не подлежит сомнению высокий боевой дух конников, защищавших родной край, но по своим возможностям их корпус значительно уступал танковым корпусам немцев и мог сравниться разве что с румынским кавкорпусом.

Но, при всех своих особенностях и определенных слабых местах, 17-й корпус, наряду с танковой и мотострелковой бригадами, были хорошо укомплектованными и свежими соединениями. Большинство стрелковых дивизий и бригад не могли похвастать и этим. Если соединения 47-й армии и 1-го отдельного стрелкового корпуса представляли собой полноценные подразделения, то состояние войск 12-й, 18-й и 56-й армий иначе как удручающим не назовешь. В июле 1942 г. на их долю выпали тяжелые бои на Дону в составе Южного фронта. Соответственно, стрелковые дивизии и бригады имели существенный некомплект личного состава и, особенно, активных штыков, то есть тех, кто непосредственно должен был сражаться на передовой. Таковых имелось от 300 до 1200 человек на дивизию [40].

Соединения 56-й армии, которой вскоре предстояло защищать Краснодар, имели к 5 августа следующий состав: 30-я стрелковая дивизия – 6232 человека, 349-я стрелковая дивизия – 4833 человека, 339-я стрелковая дивизия – 3492 человека, 76-я стрелковая бригада – 561 человек. И это с учетом того факта, что армия была отведена с фронта в район Краснодара и ее дивизии получили в качестве пополнения более 7 тысяч человек [41]. К сожалению, его основную массу составляли местные призывники, почти не получившие боевой подготовки и не всегда обеспеченные даже стрелковым оружием. Но в других подразделениях дела могли обстоять еще хуже. Например, прибывшая вскоре в ту же 56-ю армию 216-я стрелковая дивизия насчитывала лишь около 1600 человек.

Данные по другим армиям неполные, но и они достаточно красноречивы. К 1 августа в 261-й стрелковой дивизии 12-й армии имелось 3757 человек, в 383-й и 395-й стрелковых дивизиях 18-й армии – 4444 и 4840 человек соответственно. 68-я морская стрелковая бригада той же армии насчитывала 1837 бойцов и командиров [42]. Напомним, что по штату стрелковой бригаде полагалось иметь более 5 тысяч человек, а стрелковой дивизии – 12725 человек. 28 июля 1942 г. штатная численность стрелковых дивизий сокращалась до 10386 человек, но соединения 12-й, 18-й и 56-й армии не дотягивали и до этой цифры.

Неутешительно оказалось состояние советской артиллерии. При переправе через Дон в конце июля 1942 г. армии Южного фронта потеряли значительную часть армейской артиллерии. В результате в четырех артиллерийских полках 12-й армии имелось 54 орудия, а в трех полках 18-й армии – 42 орудия. Единственный артиллерийский полк 56-й армии насчитывал 11 пушек [43].

Отступление войск Южного фронта повлекло и другие негативные последствия. Одни из них связаны с нарушением централизованного снабжения и пополнением войск.

Тыловые структуры фронта, а затем и армий ринулись вглубь Краснодарского и Ставропольского краев, когда войска еще держали оборону южнее Дона. В движении находились и штабы всех уровней, поэтому часто нарушалась связь и управление войсками.

Другой проблемой стала предельная усталость личного состава. Бойцы и командиры, прошедшие через тяжелые бои на Дону, около месяца провели в непрерывном отступлении. И многим казалось, что конца ему не будет, отчего ухудшалась моральное состояние войск. Ответом на эти настроения в войсках стал знаменитый приказ № 227. Его пронизывала мысль о гибельности сдачи врагу все новых и новых территорий, о необходимости прекратить самовольный отход войск любой ценой, не исключая самые жесточайшие меры. Но вряд ли приказ «Ни шагу назад!» мог иметь мгновенный эффект и сразу сказаться на развитии обстановки. Даже порожденные этим приказом штрафные части появились в составе армий Северо-Кавказского фронта только в конце августа 1942 г.

Выходит, что к началу битвы в распоряжении С.М. Буденного оказались свежие войска Северо-Кавказского фронта, которые только приступили к развертыванию на пути немецкого наступления, и ослабленные в предыдущих боях силы Южного фронта, продолжавшие отступать под напором превосходящего их противника. Не будем забывать, что Северо-Кавказский фронт объединился с Южным лишь за несколько дней до описываемых событий. В столь сжатые сроки даже надежную связь наладить сложно, а создать устойчивую оборону и подавно. Тем временем, противник продолжал наносить удар за ударом, стараясь добить отступавшие советские войска. В такой ситуации остановить вал немецкого наступления было практически невозможным, С.М. Буденному и его штабу оставалось позаботиться о спасении своих войск от уничтожения и организации их поэтапного отступления на удобные оборонительные рубежи в предгорья Кавказа.

Потенциал советских и немецких военно-воздушных сил и противовоздушной обороны. Авиация Северо-Кавказского фронта состояла из двух воздушных армий. 4-я воздушная армия генерал-майора К.А. Вершинина прежде находилась в составе Южного фронта. С началом битвы за Кавказ она действовала в интересах Донской группы войск, защищавшей ставропольское направление. Поэтому ее летчикам практически не довелось принять участие в обороне Кубани, за исключением недолгих боев в северо-восточных районах края. В распоряжении К.А. Вершинина имелось шесть авиационных дивизий и еще пять авиаполков, но после тяжелых боев на Дону в них осталось лишь 128 исправных самолетов. Немногим больше – 135 машин – имелось в четырех дивизиях и трех полках 5-й воздушной армии генерал-майора С.К. Горюнова [44]. Армия начала формироваться в мае 1942 г. на основе ВВС разгромленного Крымского фронта. Ее авиационный парк, систему наземного обеспечения и органы управления фактически пришлось формировать с нуля, но к началу битвы за Кавказ эта огромная работа в целом была завершена. Именно летчикам К.С. Горюнова предстояло взаимодействовать с прикрывавшей краснодарское направление Приморской группой войск.

Наряду с ВВС Красной армии в битве за Кавказ предстояло принять участие авиации Черноморского флота. Ее численность составляла 342 самолета, в том числе 121 истребитель, 31 штурмовик, 30 бомбардировщиков и торпедоносцев. Практически все боевые машины морской авиации базировались на аэродромах Краснодарского края и могли оказать поддержку войскам Северо-Кавказского фронта. К сожалению, 58 из них нуждались в ремонте, а 47 самолетов истребительной авиации относились к машинам устаревших типов [45]. Отчасти эти недостатки компенсировались значительным боевым опытом черноморских летчиков, полученным в боях за Крым.

Не мог не оказать влияния на борьбу в кубанском небе Краснодарский дивизионный район ПВО. Он относился к войскам противовоздушной обороны и его силы не учитывались в составе Северо-Кавказского фронта. Между тем, он включал в себя истребительный авиаполк, один полк и 8 дивизионов зенитной артиллерии [46].

Оценивая численность немецкой авиации в начале битвы за Кавказ, отечественные авторы, как правило, приводят данные об 1 тысяче самолетов, т. е. обо всем 4-м воздушном флоте. Между тем, летом – осенью 1942 г. его силы сражались на всем пространстве от Среднего Дона до Северного Кавказа. Непосредственно с группой армий «А» взаимодействовал 4-й авиационный корпус этого флота противника. Соответственно, в конце июля 1942 г. на кавказском направлении оказалось сосредоточено около

500 самолетов [47]. Однако, беря в расчет эти данные, нужно помнить, что в люфтваффе часто практиковали маневр силами на широком пространстве. Так, по решению командующего 4-м воздушным флотом генерал-полковника В. Рихтгофена, начиная с 10–11 августа, часть сил 4-го авиакорпуса была брошена на усиление 8-го авиационного корпуса под Сталинградом [48]. Очень активно немцы маневрировали своей авиацией в пределах кавказского направления. Поэтому назвать точную цифру самолетов противника, действовавших над Кубанью в тот или иной день, крайне сложно. Другой особенностью военно-воздушных сил противника являлось преобладание бомбардировщиков и пикировщиков при незначительном количестве истребителей.

В организации противоздушной обороны немцы больше полагались на зенитную артиллерию, которая являлась частью люфтваффе. Полоса наступления 17-й армии оказалась в зоне ответственности 17-й зенитной дивизии. Ее управлению в период наступления на Кубани подчинялось два дивизиона и 13 батарей зенитной артиллерии из восьми различных полков [49].

Сравнивая состав советской и немецкой авиации на кавказском направлении, мы видим, что их численность оказалась приблизительно равной. Более того, по мере разворачивания Сталинградского сражения силы люфтваффе все больше отвлекались от задач на Кавказе, тогда как советские воздушные армии пополнялись за счет ВВС Закавказского фронта. И соотношение сил должно было меняться в пользу советской авиации.

В реальности, за сухими цифрами скрывалась совершенно иная картина. С сожалением приходится признать, что в 1942 г. боевые возможности немецких самолетов и мастерство их пилотов в целом оставались выше, чем у советских машин и летчиков. Существенно отставала советская сторона и в организации управления авиационными частями и соединениями. Люфтваффе более умело маневрировали своими авиагруппами, лучше взаимодействовали с армией и флотом. Советской авиации оперативно реагировать на запросы с земли удавалось редко, а заранее спланированные совместные действия при быстром изменении обстановки часто запаздывали. Представить же в 1942 г. маневр крупных сил советской авиации на стратегическом уровне и вовсе было невозможно. Воздушные армии и ВВС флота были буквально «привязаны» к районам базирования и конкретным оперативным направлениям.

Наряду с общими для всего советско-германского фронта факторами, применение авиации на Кубани летом 1942 г. определялось целым рядом местных особенностей. В это время года световой день оставался достаточно продолжительным, погода – преимущественно солнечной, что создавало практически идеальные условия для действий самолетов над открытой степной частью Краснодарского края. К началу его обороны советские ВВС располагали разветвленной сетью аэродромов, мастерских и складов. Стремительное немецкое наступление лишило нашу авиацию этого преимущества. Если к началу августа в состоянии перебазирования находилась только 4-я воздушная армия, то к концу месяца такую же проблему пришлось решать 5-й воздушной армии и большинству соединений ВВС Черноморского флота. В Краснодарском крае им пришлось полагаться на незначительное число тесных и неудобных аэродромов черноморского побережья, тогда как противник получил на кубанской равнине множество пунктов для размещения авиации.

Соотношение сил на море. К середине 1942 г. Черноморский флот сохранял численное превосходство над военно-морскими силами противника. На 25 июля он состоял из эскадры, дивизиона лодок, двух бригад подводных лодок, двух бригад торпедных катеров, бригады траления и заграждения и т.д. Но состояние флота было далеко не идеальным. Участие в обороне Одессы и, особенно, Крыма, потребовало от него огромного напряжения и привело к значительным потерям в кораблях и людях. Личный состав Черноморского флота лишился множества специалистов, отправленных на сухопутный фронт, а боевая подготовка и учеба оставшихся оказалась сведена к минимуму. К тому же черноморцы болезненно переживали оставление Севастополя, появилось осознание того, что дальнейшее продвижение немцев вдоль побережья лишит флот последних баз и обернется его уничтожением. Что же касается кораблей, то они оказались чрезвычайно изношенными напряженной службой. Находились в ремонте или

требовали такового два крейсера из четырех, единственный лидер эсминцев, пять эскадренных миноносцев из семи, 17 подводных лодок из 41, 16 торпедных катеров из 61 и т.д. [50]. Ремонтные работы и всестороннее обеспечение службы кораблей представляло собой отдельную проблему. Основные базы и судоремонтные заводы на Черном море оказались в руках противника, а порты кавказского побережья заметно уступали им по своим возможностям.

Советский транспортный флот в Азово-Черноморском бассейне, так же как и военный, понес в первый год войны существенные потери и сократился более чем наполовину. К началу битвы за Кавказ он состоял из 38 транспортов и 6 танкеров водоизмещением свыше 500 тонн, 40 парусно-моторных шхун, 13 буксиров, 40 несамоходных барж и множества мелких судов. Из них более 50 % требовали ремонта [51]. Малочисленность транспортного флота пришлось компенсировать использованием «военных транспортов» из числа мобилизованных в начале войны гражданских судов. В экстренных случаях роль быстроходных транспортов могли выполнить крейсера и эсминцы. Между тем, основной задачей Черноморского флота с самого начала обороны Кавказа стала организация перевозок по морю и их защита. Их значение для советских войск, сражавшихся на Кубани, трудно переоценить, так как уже с начала августа 1942 г. они снабжались только через черноморское побережье Кавказа. Единственное прибрежное шоссе и недостроенная железная дорога не могли обеспечить всех потребностей Северо-Кавказского фронта, поэтому морские коммуникации вышли на первый план.

Значительные усилия командование Черноморского флота прилагало к организации взаимодействия с сухопутными войсками сил Азовской военной флотилии, Керченской, Новороссийской и Туапсинской военно-морских баз. Флотилию возглавлял будущий главком Военно-морского флота СССР контр-адмирал С.Г. Горшков, неплохо зарекомендовавший себя уже в первый год войны. В его распоряжении к началу августа 1942 г. имелись монитор, 6 канонерских лодок, 4 сторожевых корабля, тральщик, отряды торпедных катеров, катеров-тральщиков и бронекатеров, 4 дивизиона сторожевых катеров. Флотилия включала дивизион зенитной артиллерии, 4 стационарные и 5 подвижных артиллерийских батарей, 3 батальона морской пехоты. Военно-морские базы на кавказском побережье так же включали в себя части береговой обороны, морской пехоты и ПВО, корабли и катера охраны водного района. В оперативном подчинении С.Г. Горшкова и командиров баз имелись подразделения морской авиации.

Таким образом, Азовская военная флотилия, Керченская, Новороссийская и Туапсинская военно-морские базы являлись соединениями, объединившими разнородные силы на суше и на море, имевшие немалую боевую мощь. К примеру, по состоянию на 25 июля 1942 г. их зенитная артиллерия насчитывала 138 стволов, тогда как Северо-Кавказский фронт располагал 64 орудиями. Количество крупнокалиберных орудий береговых батарей было сопоставимо с тем, что имели артолки армейского и фронтального подчинения. А численность личного состава в любом из батальонов морской пехоты сравнима с тем, что имел среднестатистический стрелковый полк в дивизиях 12-й, 18-й и 56-й армий. И, в отличие от тех же армий, части флота опирались на надежный тыл и не имели затруднений со снабжением.

Береговая оборона и инфраструктура Черноморского флота могли стать хорошей опорой для соединений Красной армии при выстраивании обороны на приморском направлении. Но не стоит думать, что флот мог самостоятельно решить эту задачу. Даже противодесантная оборона Азовского и Таманского побережья протяженностью в полтысячи километров требовала развертывания сухопутных войск. Как показали события августа – сентября 1942 г., без них береговая оборона не имела необходимой плотности и не могла надежно обеспечить борьбу с десантами, а тем более защиту ключевых баз флота с суши.

Давая оценку немецким военно-морским силам в канун начала битвы за Кавказ, стоит напомнить, что в начале войны Германия вообще не имела флота на Черном море. Его развертывание происходило, когда боевые действия уже шли полным ходом. Военно-морским флотом располагала Румыния, но ее корабли действовали исключительно в западной части Черного моря и прямого влияния на обстановку у берегов Кубани не оказывали. Немцам же пришлось начинать практически с нуля: формировать органы

управления, создавать базы в захваченных советских портах, выстраивать систему береговой обороны, а, главное, собрать корабельный состав и наладить его службу. К августу 1942 г. в той или иной степени все эти задачи противнику удалось решить.

Руководили действиями флотов стран оси на Черноморском театре военных действий так называемый адмирал Черного моря и его штаб. На этой должности к началу боевых действий на Кубани находился вице-адмирал Г. Вурмбах. В его распоряжении были румынские военно-морские силы, коменданты Украины, Крыма и Кавказа, отвечавшие за береговую оборону и порты [52], а также немногочисленные корабельные силы, часть которых и участвовала в битве за Кавказ. Они базировались на южном берегу Крыма.

Главной ударной силой немецких военно-морских сил стала 1-я флотилия торпедных катеров в составе 6 единиц. В течение августа к ним присоединились еще 4 катера. Их водоизмещение и вооружение превосходило тактико-технические данные торпедных катеров, и было таково, что позволяло немецким морякам вступать в бой с любыми катерами советского флота и совершать походы портов из Крыма вплоть до района Туапсе [53].

Помимо немецких катерников на Черном море действовали и итальянские. Их 4-я флотилия состояла из 4 катеров типа MAS, к которым в конце июля 1942 г. присоединилось еще 2 катера. По своим размерам и вооружению они уступали аналогичным немецким катерам. Еще итальянцы перебросили в Крым такие экзотические корабли, как сверхмалые подводные лодки и взрывающиеся катера. Однако они оказались способны действовать только вблизи своих баз и в ходе битвы за Кавказ себя не проявили [54].

Минно-тральные силы были представлены 3-й флотилией, насчитывавшей 8 катеров-тральщиков. Их использовали не только по прямому назначению, но и для охраны конвоев. Наиболее многочисленным классом немецких судов на Черноморском театре военных действий стали большие десантные баржи 1-й десантной флотилии, каковых в августе 1942 г. имелось 29 штук. За этим непрезентабельным названием скрывались практически универсальные суда, которые широко использовались в качестве войсковых транспортов, десантных и эскортных кораблей. Наряду с этими силами в распоряжении адмирала Черного моря имелись противолодочные и минно-тральные подразделения немецкой Дунайской флотилии, но в 1942 г. они использовались только в западной части черноморского бассейна. Наконец, на Азовском море противник задействовал 86-й и 128-й армейские батальоны паромов «Зибель» и нескольких трофейных катеров с экипажами из моряков хорватского легиона [55].

Морские коммуникации противника до середины 1942 г. пролегли исключительно к западу от Севастополя. Лишь осенью им было налажено регулярное движение вдоль южного берега Крыма, в Азовском море и Керченском проливе, в том числе и в интересах немецкой группировки на Кубани. Между тем, в составе транспортного флота государств оси на Черном море имелось только 18 транспортов и танкеров водоизмещением более 500 тонн. Поэтому немецкое командование широко привлекало к войсковым перевозкам речные суда с Дуная, всевозможные трофейные буксиры, катера, шхуны и т.п. [56].

Наращивание сил немецкого флота на Черном море продолжалось на протяжении всей битвы за Кавказ. Росло количество катеров и самоходных барж всех видов, а в конце 1942 г. стали прибывать и подводные лодки. Кроме того, в случае необходимости противник привлекал для действий над морем свои самолеты. Причем специализированной морской авиации у немцев практически не имелось, но это не мешало их летчикам оставаться в 1942 г. главной угрозой для советского флота. Поэтому формальное численное превосходство Черноморского флота над военно-морскими силами стран оси вовсе не означало автоматического установления господства на море. Аналогичным образом обстояло дело с морскими перевозками. Имея в своем распоряжении меньше судов среднего тоннажа и более протяженные коммуникации, чем советская сторона, немцы использовали все подручные малотоннажные плавательные средства с максимальной нагрузкой и организовали работу транспортного флота так, что ухитрились в августе 1942 г. перевезти свыше 90 тысяч тонн грузов – в три раза больше, чем советские суда и корабли.

Выводы

Итак, в начале битвы за Кавказ Германия и ее союзники задействовали в Краснодарском крае примерно в полтора раза больше войск, чем Красная армия. И эти войска были лучше оснащены техникой, имели надежный тыл, сохраняли высокий боевой дух и наступательный потенциал. В воздухе, при сравнимой численности авиации, качественное преимущество так же оставалось за противником. Только на море советский флот сохранял превосходство, но оно оказалось ограничено множеством факторов.

Вполне закономерно, что уже к концу августа 1942 г. значительная часть Краснодарского края оказалась оккупирована, а значит, можно говорить о неудаче Красной армии. Но от тяжелого отступления войска Северо-Кавказского фронта перешли к упорной обороне в горах под Новороссийском и Туапсе, а затем нанесли врагу ряд контрударов. Это, в свою очередь, говорит о срыве германских замыслов, состоявших в быстром прорыве через Кубань и Причерноморье в Закавказье. Причин тому множество. Среди самых значимых стоит выделить распыление сил Германии и ее союзников между Западным и Восточным Кавказом при отсутствии стратегических резервов, использование советскими войсками удобных для обороны рубежей, прибытие на Кубань из Закавказья и других районов СССР пополнения, выстраивание работоспособной системы тыла.

Выходит, что обе стороны смогли реализовать лишь часть своих планов. В этом отношении борьба на территории Краснодарского края соответствует логике развития событий на всем юге советско-германского фронта. Но если для Германии неполный успех в перспективе означал поражение, то Советский Союз получил шанс одержать победу.

Примечания

1. «Совершенно секретно! Только для командования». Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М.: Наука, 1967. С. 388.
2. Ибрагимбейли Х.М. Крах «Эдельвейса» и Ближний Восток. М.: Наука, 1977. С. 80.
3. Генералы и офицеры вермахта рассказывают... Документы из следственных дел немецких военнопленных. 1944–1951. М.: МФД, 2009. С. 66.
4. Гальдер Ф. Военный дневник, 1941–1942. М.–СПб.: АСТ Terra Fantastica, 2003. С. 824.
5. Завьялов А.С., Каледин Т.Е. Битва за Кавказ. М.: Воениздат, 1957. С. 29.
6. Киринов И.Д. Черноморский флот в битве за Кавказ. М.: Воениздат, 1958. С. 18.
7. История Великой Отечественной войны Советского Союза. В 6 т. Т. 2. М.: Воениздат, 1961. С. 455.
8. Гречко А.А. Битва за Кавказ. М.: Воениздат, 1969. С. 52.
9. История второй мировой войны. В 12 т. Т. 5. М.: Воениздат, 1975. С. 201–202.
10. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. В 4 кн. Кн. 1. М.: Наука, 1998. С. 371.
11. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 3. М.: Кучково поле, 2012. С. 293.
12. Исаев А.В. Когда внезапности уже не было. История ВОВ, которую мы не знали. М.: Яуза; Эксмо, 2005. С. 145–147.
13. Бешанов А.В. Год 1942 – «Учебный». М.: Яуза, Эксмо; 2008. С. 354.
14. Широкоград А.Б. Битва за Черное море. М.: АСТ; Транзиткнига. 2005. С. 442.
15. Afanasenko V.I. The Plans of the Parties and the Balance of Forces on the Southern Wing of the Soviet-German Front on the Eve of Spring - Summer 1942 Campaign // Voennyi Sbornik, 2016, Vol.(13), Is. 3, p. 117.
16. Мощанский И.Б. Оборона Кавказа. Великое отступление. 25 июля – 31 декабря 1942 года. М.: Вече, 2010. С. 38.
17. Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф., Курбат Т.Г. Война. Юг. Перелом (лето 1942 – осень 1943 гг.). Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2012. С. 110.
18. Манштейн Э. Утерянные победы. М.–СПб.: АСТ; Terra Fantastica, 1999. С. 318.
19. Verbände und Truppen der deutschen Wehrmacht und Waffen SS im Zweiten Weltkrieg 1939–1945. Die Landstreitkräfte 1–5. Frankfurt am Main, 1966. S. 6, 158.

20. Verbände und Truppen der deutschen Wehrmacht und Waffen SS im Zweiten Weltkrieg 1939–1945. Die Landstreitkräfte 15–30. Frankfurt am Main, 1970. S. 51.
21. Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933–1945 гг. М.: Изографус; Эксмо, 2002. С. 330–333.
22. Залесский К.А. Вермахт. М.: Яуза, ЭКСМО, 2005. С. 241, 274, 374.
23. Axworthy M., Scafes C., Craciunoiu C. Third Axis, Fourth Ally. Romanian Armed Forces in the European War, 1941–1945. London: Arms and Armour Press, 1995. P. 78–79.
24. Klimen K., Naklad B. Slovenska Armada. 1939–1945. Praha: Naše vojsko, 2003. S. 94–95.
25. ЦАМО РФ. Ф. 224. Оп. 760. Д. 96. Л. 1.
26. Горшков С.Г. На южном приморском фланге. М.: Воениздат, 1989. С. 109.
27. Русский архив: Великая Отечественная. Т. 16 (5–2). Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 г. М.: ТЕРРА, 1996. С. 239–240, 299–300, 310, 312, 319, 328.
28. Русский архив: Великая Отечественная. Т. 16 (5–2). Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 г. С. 530–532.
29. Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. В дни огорчений и побед. Кн. 1. М.: Вече, 2014. С. 100.
30. Русский архив: Великая Отечественная. Т. 16 (5–2). Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 г. С. 330.
31. История Великой Отечественной войны Советского Союза. В 6 т. Т. 2. С. 456.
32. Гречко А.А. Битва за Кавказ. С. 54.
33. История второй мировой войны. В 12 т. Т. 5. С. 200.
34. Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М.: Воениздат, 1993. С. 180.
35. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Кампании и стратегические операции в цифрах. В 2 т. Т. 1. М.: Объединенная редакция МВД России, 2010. С. 462.
36. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 3. С. 293.
37. Боевой состав Советской Армии. Ч. 2. Январь–декабрь 1942 г. М.: Воениздат, 1966. С. 150.
38. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Кампании и стратегические операции в цифрах. В 2 т. Т. 1. С. 462.
39. Битва за Кавказ. М.: Триада-ф, 2002. С. 35.
40. Итоговая оперативная сводка Северо-Кавказского фронта № 01/оп за время с 1 по 31.8.42 года. URL: <https://ramyat-naroda.ru> (дата обращения: 17.07.2016).
41. ЦАМО РФ. Ф. 224. Оп. 760. Д. 306. Л. 33.
42. Донская опергруппа (Окружение под Армавиром). URL: <http://don1942.ru/rol-konnitsy-v-bitve-za-kavkaz/item/2-2-donskaaya-opergruppa-okruzhenie-pod-armavirom> (дата обращения: 18.07.2016).
43. Мощанский И.Б. Оборона Кавказа. Великое отступление. 25 июля – 31 декабря 1942 года. С. 41.
44. Пшеничник Г.А. Крах плана «Эдельвейс». Советская авиация в битве за Кавказ. 1942–1943. М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2013. С. 42, 69.
45. Военно-морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. В 4 т. Т. 2: Черноморский флот. СПб.: Морской Петербург, 2005. С. 240–241.
46. Боевой состав Советской Армии. Ч. 2. Январь–декабрь 1942 г. С. 155.
47. Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф., Курбат Т.Г. Война. Юг. Перелом (лето 1942 – осень 1943 гг.). С. 110.
48. Дегтев Д.М., Зубов Д.В. Прерванный полет «Эдельвейса». Люфтваффе в наступлении на Кавказ. 1942 г. М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2014. С. 167.
49. Plocher H. German Air Force versus Russia, 1942. Aerospace Studies Institute. Air University, 1966. P. 226.
50. Платонов А.В. Борьба за господство на Черном море. М.: Вече, 2010. С. 331.
51. Военно-морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. В 4 т. Т. 2: Черноморский флот. С. 224.

52. Залесский К.А. Кригсмарине. Военно-морской флот Третьего рейха. М.: Яуза, Эксмо, 2005. С. 172, 175.
53. Морозов М.Э., Патянин С.В., Барабанов М.С. Атакуют «Шнелльботы»! Германские торпедные катера Второй мировой войны. М.: Коллекция, Яуза, Эксмо, 2007. С. 89.
54. Брагадин М.А. Битва за Средиземное море. Взгляд побежденных. М.: АСТ, 2001. С. 563.
55. Milcic A. Croatian Naval Legion. URL: <http://www.axishistory.com/axis-nations/croatia/navy/157-croatia-navy/croatia-navy-unsorted/5447-croatian-naval-legion> (дата обращения: 12.08.2016).
56. Морозов М.Э., Кузнецов А.Я. Черноморский флот в Великой Отечественной войне. Краткий курс боевых действий. М.: Яуза, 2015. С. 168–169.

References

1. «Sovershenno sekretno! Tol'ko dlja komandovanija». Strategija fashistskoj Germanii v vojne protiv SSSR. Dokumenty i materialy. M.: Nauka, 1967. S. 388.
2. Ibragimbejli H.M. Kraih «Jedel'vejsa» i Blizhnij Vostok. M.: Nauka, 1977. S. 80.
3. Generaly i oficery vermahta rasskazyvajut... Dokumenty iz sledstvennyh del nemeckih voennoplennyh. 1944–1951. M.: MFD, 2009. S. 66.
4. Gal'der F. Voennyj dnevnik, 1941–1942. M.: AST – SPb.: Terra Fantastica, 2003. S. 824.
5. Zav'jalov A.S. Bitva za Kavkaz / A.S. Zav'jalov, T.E. Kaljadin. M.: Voenizdat, 1957. S. 29.
6. Kirin I.D. Chernomorskij flot v bitve za Kavkaz. M.: Voenizdat, 1958. S. 18.
7. Istorija Velikoj Otechestvennoj vojny Sovetskogo Sojuza. V 6 t. T. 2. M.: Voenizdat, 1961. S. 455.
8. Grechko A.A. Bitva za Kavkaz. M.: Voenizdat, 1969. S. 52.
9. Istorii vtoroj mirovoj vojny. V 12 t. T. 5. M.: Voenizdat, 1975. S. 201–202.
10. Velikaja Otechestvennaja vojna 1941–1945 gg. Voenno-istoricheskie ocherki. V 4 kn. Kn. 1. M.: Izd-vo «Biblioteka»; «Mosgorarhiv», 1998. S. 371.
11. Velikaja Otechestvennaja vojna 1941–1945 godov. V 12 t. T. 3. M.: Kuchkovo pole, 2012. S. 293.
12. Isaev A.V. Kogda vnezapnosti uzhe ne bylo. Istorija VOV, kotoruju my ne znali. M.: Jauza; Jeksmo, 2005. S. 145–147.
13. Beshanov A.V. God 1942 – «Uchebnyj». M.: Jauza, Jeksmo; 2008. S. 354.
14. Shirokorad A.B. Bitva za Chernoe more. M.: AST; Tranzitkniga. 2005. S. 442.
15. Afanasenko V.I. The Plans of the Parties and the Balance of Forces on the Southern Wing of the Soviet-German Front on the Eve of Spring - Summer 1942 Campaign // *Voennyi Sbornik*, 2016, Vol.(13), Is. 3, p. 117.
16. Moshhanskij I.B. Oborona Kavkaza. Velikoe otstuplenie. 25 ijulja – 31 dekabrja 1942 goda. M.: Veche, 2010. S. 38.
17. Vojna. Jug. Perelom (leto 1942 – osen' 1943 gg.) / G.G. Matishov, V.I. Afanasenko, E.F. Krinko, T.G. Kurbat. Rostov n/D: Izd-vo JuNC RAN, 2012. S. 110.
18. Manshtejn Je. Uterjannye pobedy. M.: AST; SPb.: Terra Fantastica, 1999. S. 318.
19. Verbände und Truppen der deutschen Wehrmacht und Waffen SS im Zweiten Weltkrieg 1939–1945. Die Landstreitkräfte 1–5. Frankfurt/Main, 1966. S. 6, 158.;
20. Verbände und Truppen der deutschen Wehrmacht und Waffen SS im Zweiten Weltkrieg 1939–1945. Die Landstreitkräfte 15–30. Frankfurt/Main, 1970. S. 51.
21. Mjuller-Gillebrand B. Suhoputnaja armija Germanii 1933–1945 gg. M.: Izografus; Jeksmo, 2002. S. 330–333.
22. Zaleskij K.A. Vermaht. M.: Jauza, JeKSMO, 2005. S. 241, 274, 374.
23. Axworthy M. Third Axis, Fourth Ally. Romanian Armed Forces in the European War, 1941–1945 / M. Axworthy, C. Scafes, C. Craciunoiu. London: Arms and Armour Press, 1995. P. 78–79.
24. Klimen K. Slovenska Armada. 1939–1945 / K. Klimen, B. Naklad. Praha, 2003. S. 94–95.
25. CAMO RF. F. 224. Op. 760. D. 96. L. 1.
26. Gorshkov S.G. Na juzhnom primorskom flange. M.: Voenizdat, 1989. S. 109.

27. Russkij arhiv: Velikaja Otechestvennaja. T. 16 (5–2). Stavka V GK: Dokumenty i materialy: 1942 g. M.: TERRA, 1996. S. 239–240, 299–300, 310, 312, 319, 328.
28. Russkij arhiv: Velikaja Otechestvennaja. T. 16 (5–2). Stavka V GK: Dokumenty i materialy: 1942 g. M.: TERRA, 1996. S. 530–532.
29. Shtemenko S.M. General'nyj shtab v gody vojny. V dni ogorchenij i pobed. Kn. 1. M.: Veche, 2014. S. 100.
30. Russkij arhiv: Velikaja Otechestvennaja. T. 16 (5–2). Stavka V GK: Dokumenty i materialy: 1942 g. M.: TERRA, 1996. S. 330.
31. Istorija Velikoj Otechestvennoj vojny Sovetskogo Sojuza. V 6 t. T. 2. M.: Voenizdat, 1961. S. 456.
32. Grechko A.A. Bitva za Kavkaz. M.: Voenizdat, 1969. S. 54.
33. Istorii vtoroj mirovoj vojny. V 12 t. T. 5. M.: Voenizdat, 1975. S. 200.
34. Grif sekretnosti snjat. Poteri Vooruzhennyh sil SSSR v vojnah, boevyh dejstvijah i voennyh konfliktah: Statisticheskoe issledovanie. M.: Voenizdat, 1993. S. 180.
35. Velikaja Otechestvennaja vojna 1941–1945 gg. Kampanii i strategicheskie operacii v cifrah. V 2 t. T. 1. M.: Ob#edinennaja redakcija MVD Rossii, 2010. S. 462.
36. Velikaja Otechestvennaja vojna 1941–1945 godov. V 12 t. T. 3. M.: Kuchkovo pole, 2012. S. 293.
37. Boevoj sostav Sovetskoj Armii. Ch. 2. Janvar'–dekabr' 1942 g. M.: Voenizdat, 1966. S. 150.
38. Velikaja Otechestvennaja vojna 1941–1945 gg. Kampanii i strategicheskie operacii v cifrah. V 2 t. T. 1. M.: Ob#edinennaja redakcija MVD Rossii, 2010. S. 462.
39. Bitva za Kavkaz. M.: Triada-f, 2002. S. 35.
40. Itogovaja operativnaja svodka Severo-Kavkazskogo fronta № 01/op za vremja s 1 po 31.8.42 goda [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://pamyat-naroda.ru> (data obrashhenija: 17.07.2016).
41. CAMO RF. F. 224. Op. 760. D. 306. L. 33.
42. Donskaja opergruppy (Okruzhenie pod Armavirom) [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://don1942.ru/rol-konnitsy-v-bitve-za-kavkaz/item/2-2-donskaya-opergruppy-okruzhenie-pod-armavirom> (data obrashhenija: 18.07.2016).
43. Moshhanskij I.B. Oborona Kavkaza. Velikoe otstuplenie. 25 ijulja – 31 dekabnja 1942 goda. M.: Veche, 2010. S. 41.
44. Pshenjanik G.A. Krah plana «Jedel'vejs». Sovetskaja aviacija v bitve za Kavkaz. 1942–1943. M.: ZAO Izdatel'stvo Centrpoligraf, 2013. S. 42, 69.
45. Voenno-morskoj flot Sovetskogo Sojuza v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg. V 4 t. T. 2: Chernomorskij flot. SPB.: Morskij Peterburg, 2005. S. 240–241.
46. Boevoj sostav Sovetskoj Armii. Ch. 2. Janvar'–dekabr' 1942 g. M.: Voenizdat, 1966. . P. 155.
47. Vojna. Jug. Perelom (leto 1942 – osen' 1943 gg.) / G.G. Matishov, V.I. Afanasenko, E.F. Krinko, T.G. Kurbat. Rostov n/D: Izd-vo JuNC RAN, 2012. S. 110.
48. Degtev D.M. Prervannyj polet «Jedel'vejsa». Ljuftvaffe v nastuplenii na Kavkaz. 1942 g. / D.M. Degtev, D.V. Zubov. M.: ZAO Izdatel'stvo Centrpoligraf, 2014. S. 167.
49. Plocher H. German Air Force versus Russia, 1942. Air University, 1966. P. 226.
50. Platonov A.V. Bor'ba za gospodstvo na Chernom more. M.: Veche, 2010. S. 331.
51. Voenno-morskoj flot Sovetskogo Sojuza v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg. V 4 t. . T. 2: Chernomorskij flot. SPB.: Morskij Peterburg, 2005. S. 224.
52. Zalesskij K.A. Krigsmarine. Voenno-morskoj flot Tret'ego rejha. M.: Jauza, JeKSMO, 2005. S. 172, 175.
53. Morozov M.Je. Atakujut «Shnell'boty»! Germanskie torpednye katera Vtoroj mirovoj vojny / M.Je. Morozov, S.V. Patjanin, M.S. Barabanov. M.: Kollekcija, Jauza, JeksMO, 2007. S. 89.
54. Bragadin M.A. Bitva za Sredizemnoe more. Vzglyad pobezhdenykh. M.: AST, 2001. S. 563.
55. Milcic A. Croatian Naval Legion [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.axishistory.com/axis-nations/croatia/navy/157-croatia-navy/croatia-navy-unsorted/5447-croatian-naval-legion> (data obrashhenija: 12.08.2016).

56. Morozov M. Je. Chernomorskij flot v Velikoj Otechestvennoj vojne. Kratkij kurs boevyh dejstvij / M. Je. Morozov, A. Ja. Kuznecov. M.: Jauza, 2015. S. 168–169.

УДК 94(47).084.8

**Советские и немецкие планы и силы
в начале боев на Кубани в августе 1942 г.**

Илья Викторович Киселев

Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков им. Героя Советского Союза
А. К. Серова, Российская Федерация
350090, Краснодар, ул. Дзержинского, 135
кандидат исторических наук
E-mail: kiselev-istfak@yandex.ru

Аннотация.

Статья посвящена боевым действиям на Кубани, развернувшимся на южном крыле советско-германского фронта в августе 1942 г. Их начало оказало заметное влияние на ход битвы за Кавказ. В ходе этих боев немецкая группа армий «А» стремилась разгромить советские войска в кубанских степях и прорваться через Кавказские горы к Черноморскому побережью. Войска Красной армии вели отступление, пытались сохранить силы и занять выгодные для обороны рубежи.

Автором проанализирована подготовка противоборствующих сторон, сопоставлены различные данные о количестве сухопутных, авиационных и военно-морских сил СССР и стран оси. Особое внимание уделено оценке их состава, боевых качеств и возможностей. Это позволило по-новому взглянуть на советско-германское противостояние на Кубани.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, битва за Кавказ, советские войска, Кубань, Северо-Кавказский фронт, Черноморский флот, войска стран оси.